

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091); 930

ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Ленка Налдониова

Остравский университет, PhD, доцент кафедры философии, Чешская Республика, Острава, e-mail: Lenka.Naldoniova@osu.cz

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Славянство и Запад в истории и культуре (к публикации «Исторических писем об отношении русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского)¹

Аннотация. Предваряется публикация второго «Исторического письма» В.И. Ламанского. Рассматривается контекст рассуждений В.И. Ламанского, посвященных взаимным отношениям славян и германских народов, которые В.И. Ламанский оценивает как враждебные и в качестве подтверждения приводит мнения немецких ученых о славянах и на примере истории Чехии и отчасти Хорватии показывает пагубность для славян влияния германской культуры и политической системы, приводящего к утрате народности. Рассматривается позиция В.И. Ламанского, отраженная во втором «Историческом письме», в отношении гуситского движения как проявления славянского самосознания. На основе писем ученого, в которых приводятся его мнения о чехах, Ф. Палацком и других деятелях чешского национального движения, показано, что концепт греко-славянского мира и его антагонистическое отношение к миру германо-романскому Ламанский заимствовал, скорее всего, из немецкой же историологической литературы. Анализируются славянофильские взгляды Ламанского, существенно дополнившего и развившего учение славянофилов, в частности, более определенно сформулировав отношение славянофилов к «славянскому вопросу», который мало занимал основателей этого движения. Рассматривается его интерпретация славянской истории, нашедшая отражение в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859 г.). Второе «Историческое письмо», написанное вскоре после завершения работы над диссертацией, рассматривается как опосредующая работа на пути к

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (грант № 20-011-00071). (The reported study was funded by RFBR, project number № 20-011-00071).

другому крупному исследованию Ламанского, его докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871 г.).

Ключевые слова: русско-чешские связи, славянофильство, университетская философия, народность в науке, язык как мягкая сила, цивилизационный антагонизм, историософия

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Lenka Naldoniova

University of Ostrava, PhD, Assistant Professor, Department of Philosophy, Czech Republic, Ostrava, e-mail: Lenka.Naldoniova@osu.cz

Victor Alexandrovich Kupriyanov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. D. in Philosophy, Senior Researcher; Sociological Institute of RAS – Branch of the Russian Academy of Sciences, Associated Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The Slavdom and the West in History and Culture (to the Publication of “Historical Letters about the Relations of the Russian Nation to its Tribesmen” by V.I. Lamansky)

Abstract. The article serves as the introduction into the publication of the “Historical Letter” by V.I. Lamansky. The authors consider the context of V.I. Lamansky’s discourse concerning the reciprocal relations between the Slavs and the Germans. Considering these relations as inimical, V.I. Lamansky substantiated this idea by references to the opinion of German scholars about the Slavs. He showed the malignancy of the German cultural and political influence on the Slavs, something which leads to the loss of their nationality, based on the example of Czech and, to some extent, Croatian history. It is not a coincidence that the essential part of the second “Historical Letter” is based on the material of the Hussite movement and Thirty Years’ War which caused the germanisation of the Czech people. Lamansky attached great importance to the Hussite movement, as he considered it one of the highest manifestations of the Slavic self-consciousness (or at least of the Western Slavs). Based on the letters of the scholar showing his attitude to the Czech people, F. Palacky and other leaders of the Czech Revival, the authors demonstrate that Lamansky had probably borrowed the notion of “the Greek-Slavic world” as against the German-Roman world from German historiographical literature. Being an adherent of Slavophilism, Lamansky considerably contributed to it. Particularly, he tried to more definitely formulate Slavophile’s attitude to the “Slavic question,” on which the attention of the founders of the movement had paid little attention. His interpretation of Slavic history was best realized in his master’s thesis “On the Slavs in Middle Asia, Africa and Spain” (1859). The second “Historical Question” was likely written soon after finishing work on the thesis and was a step on the way to his other serious work, namely his doctoral thesis “On Historical Studies of the Greek-Slavic World in Europe” (1871), as both “Historical Letters” and the dissertation were written from similar historiographical positions.

Key words: Russian-Czech ties, Slavophilism, university philosophy, nationality in science, language as a soft power, civilizational antagonism, historiosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.116-137

Статья В.И. Ламанского «Об умственном и литературном общении русских с их соплеменниками» является второй частью оставшихся в рукописи «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам». Данное письмо посвящено проблеме исторической судьбы славян, их отношениям с Западом (в лице, прежде всего, германцев). В отличие от первого «Исторического письма»², концептуальное содержание данного текста несколько скромнее и значительно конкретнее, хотя в общем письмо «Об умственном и литературном общении русских с их соплеменниками» продолжает идейную линию предыдущей статьи данного цикла. На примере чешской и частично хорватской истории Ламанский раскрывает суть отношений славянства и западной Европы, показывая тем самым особенности культуры и мировоззрения славян в сравнении с ментальностью западноевропейцев. Основным историческим материалом для Ламанского служит история гуситского движения, история Чехии в период Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и история рода Зринских. Также Ламанский привлекает современную ему германоязычную научную литературу и публицистику.

В.И. Ламанский неоднократно обращался в своих лекциях к истории гуситского движения, к учению и фигуре Яна Гуса, хотя и не оставил об этом отдельного труда. Он рассматривал гуситство в качестве одного из важнейших событий славянской истории в целом, пожалуй наиболее значительного события после создания Кириллом и Мефодием славянского азбуки. Для него гуситство не было чисто чешским движением, а являлось результатом «всей предыдущей борьбы Востока с Западом, славянства с германизмом»³. С историко-философской точки зрения гуситство, требовавшее богослужения на национальном языке, было наследником «кирилло-мефодиевской идеи» и одним из высших проявлений славянского самосознания, по крайней мере для славян западных. В положительной оценке гуситства кроется и конфессиональная критика католицизма, в основных своих положениях восходящая к учению А.С. Хомякова, который «судит католическую церковь как узурпирующую право выступать от имени единства, т. е. за формирование власти *одного*»⁴. В одном из лекционных курсов Ламанский писал: «Современные западные славяне очень кичатся своей старинной образованностью, но при этом забывают, что все сделанное ими в XV–XVII ст. не было особенно самостоятельно, в трудах их мы находим мало славянского; исключение составляют одни чехи и то во время

² См.: Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 2(20). С. 89–111 [1].

³ См.: Ламанский В.И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). 1878/79 год. [СПб.:] Литография Гробовой, [1879]. С. 3 [2].

⁴ См.: Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. No. 1. С. 60 [3].

Гуса, в это время они стоят выше всех славян и только в этом революционном движении проявилась действительно славянская национальность и идея» [2, с. 2]. Помимо Я. Гуса, крупнейшими носителями славянского самосознания, согласно Ламанскому, были П. Хельчицкий и Я.А. Коменский. Однако Ламанский не считал идеи Гуса устаревшими, а его дело законченным. Он полагал, что новое возвышение чешского народа, рост его политического и культурного значения возможен только на основе развития тех идей и принципов, которые проявились в гусистскую эпоху. Об этом он, в частности, писал Ф.Л. Ригеру 1 июля 1876 г., указывая, что перед чешским народом стоит задача «из соображений чисто политических питать и развивать в себе и в народе старые, добелогорские, *братские* и *гуситские* предания и воззрения на христианство, на Рим и т. д. В этом вся суть дела. Только тогда чехи приобретут вновь великое важное значение и тогда, поверьте, весь русский народ станет за Вас горою»⁵. В то же время, считал Ламанский, современные чехи «так сказать не доспели до того, чтобы понять» значение Гуса. Исключение не составляет и выдающийся чешский историк Ф. Палацкий, который «даже не умеет оценить Гуса»⁶. Столь резкое суждение русского ученого связано с тем, что, с одной стороны, чешская интеллигенция во многом ориентируется на немецкую науку и культуру и не обладает самостоятельным взглядом для оценки событий прошлого, а с другой стороны, занята сиюминутными политическими интересами, также не позволяющими подняться до философско-исторических обобщений. Такой обобщающий исторический взгляд, полагал Ламанский, дает учение славянофилов, поэтому «только в России наука может беспристрастно относиться к Гусу и оценить его»⁷.

Этим во многом объясняется то значение, которое Ламанский придавал изучению чешского языка и чешской истории. Еще в первый год своего обучения в университете он посещал занятия И.И. Срезневского у второкурсников, где профессор вел предмет «Чтение образцов славянских наречий». Во время занятий студенты читали «Краледворскую рукопись» и чешских поэтов Я. Колара и Ф.Л. Челяковского. Тогда же Ламанский приступил к изучению работ Ф. Палацкого и чешского языка. В письме к гимназическому другу он следующим образом объяснял свой выбор: «Этот язык важен и в том отношении, что первые славянисты и главные двигатели славящины – суть чехи; теперь первое место в славянской филологии, после нашего русского учёного Востокова, занимает Иосиф Шафарик, а в отношении славянской археологии и древностей он первый в Европе»⁸. Позднее, уже сам будучи профессором, Ламанский добился того, чтобы чешский язык был обязательным для изучения студентами-филологами в Санкт-Петербургском университете. Раз в неделю Ламанский

⁵ Цит. по: Ровда К.И. Россия и Чехия: взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л.: Наука, 1978. С. 53 [4].

⁶ См.: Ламанский В.И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). С. 2.

⁷ Там же. С. 2–3.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 17 об.–18 [5].

проводил занятия по старочешской литературе, на которых читались отрывки из сочинений Ф. Штитного, Я. Гуса, П. Хельчицкого, Вшегорда, Благодслава, Я.А. Коменского. Под его руководством студенты переводили сочинения В.В. Томека «История Чехии» и «Ян Жижка», которые затем были изданы. По инициативе Ламанского В.В. Томек в 1898 г. был избран почетным профессором Санкт-Петербургского университета⁹. На третьем и четвертом курсах он читал студентам историю чешской литературы до XIV в., а на третьем курсе первые годы своего преподавания в университете проводил занятия, на которых объяснял студентам Зеленогорскую и Краледворскую рукописи. В скором времени Ламанский выступил с критикой их подлинности, посвятив этому одно из лучших своих исследований «Новейшие памятники древнечешского языка»¹⁰, к сожалению оставшееся неоконченным.

Основным источником по истории Чехии в пору подготовки «Исторических писем» (конец 1850-х – начало 1860-х гг.) для Ламанского был многотомный труд Ф. Палацкого «История народа чешского в Чехии и Моравии». Почтение Ламанского к Ф. Палацкому и его исследованию было столь велико, что он посвятил ему магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859 г.). Экземпляры своей книги Ламанский переслал В. Ганке, который передал ее в музей, П.П. Шафарику и К.Я. Эрбену. В ответном письме он сообщал, что «экземпляр для г. Палацкого опоздал и как он точно уехал в Вену, то я его отдал зятю его г. Ригру, который мне сказал, что жена его, дочь Палацкого, через несколько дней поедет тоже в Вену и вручит экз. отцу сама»¹¹. Так что, когда Ламанский 31 мая 1862 г. впервые приехал в Прагу, его уже знали, а журналисты писали о нем как о «милом госте». О своих встречах и беседах с Палацким Ламанский подробно писал министру народного просвещения А.В. Головнину¹². Впечатлением от знакомства с Палацким он делился и с родителями: «Палацкий уже стар, но сохранил необыкновенно свежую память и ясный ум. Человек высоко даровитый и чрезвычайно замечательно умный. Он мне с справедливою гордостью рассказывал о том уважении, которое оказывает вся Чешская земля ему и его зятю. Надо Вам сказать, что

⁹ См.: Ламанский В.И. Записка об избрании в члены Императорского Санкт-Петербургского университета чешского ученого Вацлава Владислава Томка // Протоколы заседаний Императорского Санкт-Петербургского университета за 1898 г. № 54. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1899. С. 38–44 [6].

¹⁰ Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Январь. С. 131–160; Февраль. С. 311–366; Март. С. 118–159; 1879. Апрель. С. 247–276; Август. С. 1–33; 1880. Июнь. С. 312–353 [7]; Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // Studia Slavica Hungarica. 1975. № 21. С. 69–74 [8]; Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их переводы // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 11–242 [9].

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 1 об. [10].

¹² См.: Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. С. 446–471 [11].

здесь крестьяне так образованы, как едва ли где в Европе. Разумеется, они не читали учёных трудов Палацкого и не могут о них верно судить, но они инстинктивно чувствуют его громадные заслуги чешской народности, хорошо знакомы с политической, гражданской [позицией] его и Ригера. И вот чуть только Палацкий или Ригер появляются где-нибудь в деревне, крестьяне готовят им повсюду торжественные встречи. Так никогда не встречаются они австрийского императора. Народ одевается по-праздничному, молодёжь выезжает на конях, палят из ружей, старики несут по нашему хлеб-соль, кричат ура, говорят речи. Палацкий мне показывал благодарственный адрес, который ему подписали в марте 1862 г. с 1500 подписей со всех концов Чешской земли. Он и Ригер избраны почётными членами более чем шести тысяч общин. Чехи в этом отношении народ совершенно особенный. Их шляхта, дворянство – немецкое по преимуществу. Большинство чешских аристократов не умеют даже говорить по-чешски. Все лучшие чешские писатели, учёные, вожди – по большей части дети крестьян. Они сами, не без некоторой гордости, говорят про себя: мы, чехи, плебеи. Жаль, жаль, дурно для славянства, говорил мне напр[имер] Палацкий, что у вас ещё народ мало имеет образования, когда зашла у нас речь о некоторых нелепостях наших либералов-прогрессистов» [12].

Неслучайно большая часть публикуемого второго «Исторического письма» опирается на чешский материал. Однако если первое письмо «О влиянии сходства языков на международные отношения» в качестве основной идеи содержало в себе мысль о *языке как основе славянского единства*, то письмо «Об умственном и литературном общении русских с их соплеменниками» расширяет и конкретизирует эту мысль материалом, относящимся к политической и конфессиональной истории, а также к психологии народов. При этом второе письмо дополняет уже известные размышления Ламанского положениями, которые ярко демонстрируют особенности его славянофильского мировоззрения, послужившее также и основой его научной позиции. Ключевая мысль статьи заключается в признании факта *враждебности* западноевропейцев и в особенности германцев славянским народам. История гуситских войн, события Тридцатилетней войны, революционные события 1848 г. трактуются в качестве фактов сопротивления славян германцам и отстаивания своей славянской идентичности. Например, Я. Гуса и И. Пражского Ламанский называет «славянскими мучениками». В резком противопоставлении славянства Западу обращает на себя внимание также тот нюанс, что Ламанский, прежде всего, стремится противопоставить славян германцам, которых он в данном письме рассматривает как главных гонителей славян. Столь ярко выраженная антинемецкая настроенность Ламанского заметна и в его более поздних трудах «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871 г.) и «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.). Однако в последних работах все-таки противопоставление славянства и Запада не замыкается только лишь на германском мире, а расширяется вплоть до концепта «романо-германского мира», который в равной степени охватывает все западноевропейские народы.

Убеждение во враждебности Европы, прежде всего германских народов, славянам сложилось у Ламанского еще до его непосредственного знакомства со славянами. Первоначальное усвоение этой мысли произошло в результате знакомства с немецкой гуманитарной наукой и публицистикой. В тексте второго «Исторического письма» Ламанский ссылается на работу известного немецкого историка Г.Г. Гервинуса «Введение в историю девятнадцатого века», опубликованную в 1853 г. В этой работе, давая краткую характеристику славянам и России, Гервинус пишет о непримиримой враждебности германских и греко-славянских народов: «Как бы для того, чтобы предохранить прогресс свободы от неосновательной поспешности, и теперь еще универсальное господство грозит цивилизации и свободе; и опасность этого господства должна казаться тем большею, что она исходит уже не от католическо-романских народов, которые более или менее прониклись германским духом, но от греко-славянских, которые по культуре и религии стоят неприязненно относительно всех европейских племен» [13, с. 131]. Как можно видеть, Гервинус употребляет в данном контексте понятие «греко-славянские племена», ставшее позднее одним из ключевых в философско-исторической концепции Ламанского. Можно в этом контексте утверждать, что понятие *греко-славянского* мира оказалось у Ламанского заимствованным непосредственно из немецкой исторической науки. Также и самая идея враждебности славян и России, с одной стороны, и Запада, прежде всего германцев, – с другой является неотъемлемой частью немецкого исторического дискурса середины – второй половины XIX в.¹³: Гервинус в указанном контексте пишет даже о том, что враждебность между славянством и Европой и ее политическими принципами грозит «скоро превратиться в великую борьбу между расами»¹⁴. Таким образом, концепт враждебности славян и Европы, часто встречающийся не только у Ламанского, но и в целом в позднем славянофильстве, имеет, по сути, немецкое происхождение. Поэтому-то, утверждая концепцию коренной враждебности славяно-германского мира и германцев, Ламанский мог лишь сослаться на немецкую научную и публицистическую литературу, что он чаще всего и делал при аргументации данной позиции. Впоследствии командировки в славянские земли только укрепили это убеждение и вывели его на уровень теоретического принципа, одного из главных постулатов его историософской концепции. «Трудно себе представить, до какой степени развиты у здешних немцев международная вражда и ненависть к славянам», – писал он из Праги родителям в 1862 г. [12, л. 23 об.]. При этом серьезного сопротивления онемечиванию со стороны западных славян Ламанский не видел. Ученый с горечью наблюдал, как поддаются влиянию немецкой культуры чехи,

¹³ По вопросу о восприятии славян в немецком общественном сознании и важнейших для политической теории XIX в. понятий панславизма и пангерманизма см.: Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 25–69 [14].

¹⁴ См.: Гервинус Г.Г. Введение в историю девятнадцатого века. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1864. С. 132.

утрачивают свою народность и постепенно перенимают худшие черты германской нации (высокомерие и нетерпимость). В июне того же года он сообщал родителям: «Борьба славянской стихии с немецкой здесь не перестает. Я каждый день бываю в двух лагерях, за обедом с немцами, вечером в чешской беседе. Немцы здесь в Праге ничем не связаны с землёю и народом, их интересы прямо противоположны интересам чешским. Им опасен каждый малейший успех чешской народности, и вот их органы, здешние немецкие газеты, ничем почти более не занимаются, как доносами правительству на чехов. Мне кажется, что здешние немцы ещё хуже наших. В Праге живёт до 10 тысяч жидов, которые, разумеется, держатся стороны сильнейшей и все отчаянные проповедники немецкой культуры. Больше всех слов слышны мне след[ующие] три слова: ано да, вроде английского yes, ро́скеjte, почкайте, подождите, сейчас и культура. За обедом хвастаются этою культурою, за ужином, в беседе, нападают на неё. Здесь каждый лакей немец говорит об этой культуре. В моей гостинице оберъ-кельнер немец, а прислуга чешская, но низшая – кучера и ... все постоянно говорят по-чешски, а высшее лакейство, прислуга за столом, стыдится своего чешского происхождения. Долго и даже доселе не хочет она мне отвечать по-чешски. Итак, аристократия и высшее лакейство в славянской Чехии не хочет быть славянами. Ведь тоже самое было и ещё кое-где доселе осталось и у нас» [12, л. 17 об. – 18]. Месяц спустя об этом же он писал уже И.С. Аксакову из Вены: «Чешская интеллигенция, знаете, теперь вся политическая, их любовь к народу горячая, искренняя, какая только может быть у людей чисто отвлечённых, по своему штампунку они не выше нашего Вернадского, хотя, за исключением разумеется Палацкого, хуже его образованы и, как граждане маленькой землицы, гораздо уже и теснее его в своих взглядах. Браунер будет, по-моему, гораздо умнее его и Ригра, но он человек не чистый, был прежде отличным чиновником и народ его сильно недолюбливает. Все они поразительно мало развиты, почти никто из них не знаком с философию. Да и вообще, часто зная немецкий язык лучше чешского, напр. Ригер, они очень мало знакомы с нем. философию и литературою. Эта ненависть к немцам вредит чехам страшно, но и положение то какое – этих немцев чешских действительно нельзя любить. Страшная сволочь! Гораздо хуже наших петербургских. Я думаю, что во времена Анны Ивановны наши немцы были несколько похожи на ихних. Вообще Чехию уже постигла Hebercultur, в ней бездна подлых, безнравственных элементов. Но об этом ниже. Знаете, я говорил некоторым приятелям чехам, что злой дух, немечивший их доселе, переселился теперь в их интеллигенцию, став говорить по-чешски, поднял народное знамя и, таким образом обманывая народ, немечит уже деревни, влез в их душу» [15]. Впрочем, Ламанский полагал, что борьба еще не окончена, а ее исход не предreshен. Впервые приехав в Чехию, он фиксирует не особенности народного быта, не местную этнографию или происходящие политические процессы, а продолжающуюся этнологическую, вековую борьбу, ставшую судьбой западных славян. Взгляд Ламанского – взгляд философа истории. Во всем он старается усмотреть

реть подтверждение своей складывающейся историософской концепции. «В Праге немцы довольно многочисленны, – замечал он в письме к родителям, – хотя их гораздо меньше чехов. Но масса капиталов в их руках. Всё австрийское правительство на их стороне. Здесь борьба с немецким элементом происходит безостановочно. Можно сказать, вся народная жизнь чехов есть постоянный отпор немцам и дружный натиск на них. Надо удивляться богатству духовных сил и энергии этого маленького народа – около 6 миллионов» [12, л. 25].

Первые впечатления Ламанского от знакомства с Прагой и чехами были очень позитивными. Он ощутил в чехах тот же родной славянский дух. «Впрочем, сказать правду, – признавался он родителям, – здесь я так мало имею свободного времени, что при всём желании не мог до сих пор ничего написать Аксакову, а материалу накопилось довольно. В самом деле здесь живёшь как в полу-русском городе. По-немецки не говоришь по целым дням. Не думайте, однако, чтобы я уже выучился по-чешски. Правда, болтаю кое-как, но ещё плохо. Вообще мне надо разговориться, раскочаться и тогда дело идёт кое-как на лад. Но, к сожалению, я встречаюсь и выдаюсь больше всего с теми чехами, которые недурно говорят по-русски. Разговоры с ними очень приятны, но не так поучительны. Кто любит Москву, тому Прага не может не нравиться. Вид с Градчина, Пражского Кремля, восхитительный. Влтава, разделяющая Прагу на две части, гораздо шире и красивее р. Москвы. Город древний, полный самых дорогих и часто самых тяжёлых воспоминаний для славянина, Прага, хотя и носит на себе множество следов немецкого влияния, однако вообще всё более становится городом славянским. На улицах по преимуществу слышна речь чешская. Шляясь по рынкам и вообще по городу, я был поражён сходством простых старух и детей с нашими. Так вот и переносишься в Россию. Впрочем, у меня в трактире есть две такие старушки. С первого же раза я заговорил с ними по полу-чешски и полу-русски. По-немецки они знают и, видя, что я затрудняюсь по-чешски, они заговаривали со мной по-немецки, но я им всё говорил по-своему. Тогда одна из старух по простоватее призвала другую, которая дала ей выговор, зачем она говорит со мной по-немецки, видишь, пан не разуми, вон е поляк. Теперь я со старухами моими большой приятель. Та из них, которая побойчее, разговаривая со мною, обыкновенно бьёт меня по плечу. Так и ждёшь иногда, что услышишь вот: “касатик мой”. Знакомых здесь у меня довольно» [12, л. 21–21 об.]. «Чехи вообще народ чрезвычайно трудолюбивый и промышленный, – продолжал он. – В Праге, хотя капиталы в руках немцев по преимуществу, но вы видите множество прекрасных магазинов чисто чешских» [12, л. 23 об.]. Впрочем, теплые чувства к чехам и душевная близость не означали полное взаимопонимание. Политическое и экономическое господство немцев, онемечивание интеллигенции, свидетелем которого в Чехии стал Ламанский, были для него не частным случаем в исторической судьбе чешского народа, а следствием более глобального, цивилизационного конфликта двух культурных миров – германо-романского и греко-славянского. Усвоение чехами европейской точки зрения на славянство, приобщение к германской культу-

ре приводило и к ограниченному взгляду на историю. «Я очень люблю чехов, но Вы не поверите, – сетовал он в письме родителям, – как надо суживаться русскому, сколько ему надо заглушить в себе вопросов и требований, чтобы сочувствовать здешним славянским интересам, вполне окунуться в эту жизнь и её интересы. Чехи очень хорошо образованы, но Россию знают очень дурно, проще совсем её не понимают, а между тем толкуют о ней свысока. Исправлять их взгляд нельзя, потому что пришлось бы толковать им, как мало в них славянского духа, как мелочны их вопросы и интересы сравнительно с нашими. Понять иного они теперь не в состоянии и только бы обиделись. Немцы колбасники обращаются здесь с нашими почти так же, как во времена Бирона, только наружно деликатнее. А они ещё вкривь и вкось толкуют о России» [12, л. 19 об.]¹⁵.

В отличие от многих славянских ученых, Ламанский сознавал пагубность происходящих процессов, приводящих к утрате народности. Преодолеть их негативные последствия невозможно только приобретением политической независимости. Необходима выработка самобытной культуры, самостоятельная научная и литературная деятельность, способная противостоять и на равных конкурировать с романо-германской культурой. Однако для этого необходимо формирование единой греко-славянской цивилизации. Ламанский с горечью констатировал, что процессы ассимиляции (онемечивания) в чешском обществе зашли слишком далеко. Четверть века спустя после своей первой поездки в славянские земли и почти три десятилетия спустя после написания «Исторических писем» он констатировал совершившийся разрыв западных славян со славянством. В 1887 г. в редактируемых им «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» он опубликовал статью «Славянский, западный вопрос», вызвавшую длительную и резкую полемику¹⁶. В статье Ламанский признавал чехов «уже безвозвратно потерянными для славянства»¹⁷. «Своим духовным строем и бытом, своими нравами и обычаями, – писал он, – чехи до того уклонились от прочего славянства, что в союзе с ним они бы ему, особенно благодаря своей аристократии, скорее вредны, чем полезны. Разумею более или менее ближайшее будущее»¹⁸. Он призывал больше не рассматривать чехов и словенцев как часть славянского мира; они тяготеют к немцам, католицизму, а не славизму. «Германская идея» победила «славянский

¹⁵ Надо заметить, что до поездки в Прагу Ламанский был убежден в лучшем знакомстве чехов с Россией. Так, в полемике с Н.Г. Чернышевским он утверждал, что «ни один из народов славянских не знаком с Россиею лучше чехов» (см.: Ламанский В.И. Национальная бестактность // День. 1861. № 2, 21 октября. С. 18 [16]).

¹⁶ См.: Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47 [17].

¹⁷ См.: Ровда К.И. Россия и Чехия: взаимосвязи литератур. С. 16.

¹⁸ Ламанский В.И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 533 [18].

дух» в чехах. В своей публицистике, политико-географических и философско-исторических трудах Ламанский пытался объяснить причины и характер происходящих в славянстве процессов. Знакомство со славянскими землями не изменило, а лишь укрепило Ламанского в его взглядах на историческую судьбу славянства. Подводя итог жизненному пути и научным взглядам Ламанского академик А.А. Шахматов писал: «С горячей симпатией относился В.И. Ламанский к чехам, восхищался их плодотворными усилиями, приведшими к восстановлению их одно время застывшего национального развития; но ему претят ультракатолические симпатии старочешской партии и слишком настойчивое стремление всех вообще чешских политических партий воскресить чешское королевство в прежних его правовых отношениях; напоминая чехам, что их королевство было неразрывною частью Германской империи, В.И. Ламанский надеется, что чехи обратят большее внимание на свои народные, этнографические интересы и откажутся от онемеченных северных окраин Чехии»¹⁹.

«Исторические письма» были написаны Ламанским, скорее всего, с публицистическими целями, что объясняет и некоторую резкость суждений и оценок. Враждебность, отмечаемая им, является имманентной для Запада и, таким образом, оказывается исторической константой всего спектра отношений славянства и Европы. Тем не менее здесь заметна идеализация славянства, за которым а priori признается историческая правота и моральность: так, в первой части статьи Ламанский проводит мысль о том, что при всей враждебности Запада к славянам последние не испытывают по отношению к нему ненависти.

Отмеченные размышления об исконной враждебности славянского мира и Запада, составляющие доминирующую тему второго письма, вполне соответствуют настроению русского общества в период после Крымской войны и в целом характерны для позднего славянофильства (полнее эта мысль нашла отражение в историософии Н.Я. Данилевского, с которым В.И. Ламанский поддерживал дружеские отношения). При этом нельзя сказать, что такое понимание отношений России и Европы (Запада) было доминирующим для славянофильства на протяжении всей его истории. Тематика славянства в целом была мало характерна для раннего славянофильства. А.И. Кошелев в своих «Записках» отмечал, что, хотя участников философского кружка, к которому он принадлежал, прозвали славянофилами, эта характеристика была весьма неудачна. По его словам, «это прозвище вовсе не выражает сущности нашего направления. Правда, мы всегда были расположены к славянам, старались быть с ними в сношениях, изучали их историю и нынешнее их положение, помогали им чем могли; но это вовсе не составляло главного, существенного отличия нашего кружка от противоположного кружка западников» [20, с. 54]. В центре внимания ранних славянофилов стояли проблемы религии, а вопрос об отношении

¹⁹ Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А.А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914. С. 1347–1348 [19].

России к Западу – проблема, которая оказалась ключевой для самобытной русской мысли первой половины XIX в., – трактовался не через идею отчуждения славянства и Запада, а через требование выработки в России самобытной культуры на основе достижений, в том числе, западной цивилизации в соответствии с национальными традициями. В этом русле движется мысль столь почитаемого Ламанским А.С. Хомякова в статьях «Мнение иностранцев о России», «Аристотель и всемирная выставка» и др. В последней статье Хомяков критикует так называемое англоманство, указывая, что по сути это – «обезьянничество», т.е. рабское подражание чужой культуре. Именно в таком духовном рабстве, по мнению Хомякова, лежит причина столь презрительного отношения европейцев к русским. «Действительно, – пишет он, – англичане могут видеть себе братьев в людях, принадлежащих другому племени и другому народу, но никогда не признают своих братьев в своих обезьянах» [21, с. 692]. Хомяков, как в целом славянофилы, полагал, что выход из культурного прозябания заключается в выстраивании культуры на основе народности, что предполагало для него опору на истинную религию, сохранившуюся в народной жизни, в то время как образованный слой населения – по преимуществу составлявший аристократию – подлинную религиозность утратил. Если для ранних славянофилов опорой развития самобытной культуры выступала религия²⁰, то для Ламанского такой основой является язык.

При схожести фразеологии текста Ламанского с ранним славянофильством, так же как и при всей его преемственности воззрениям Хомякова и Киреевского, у него заметно в данном случае изменение акцентов в славянофильских концепциях народности и отношений России и Запада. Причем – что важно – для Ламанского принципы народности и славянского единства были не только орудиями публицистической борьбы, но и основными принципами науки о славянах. Как уже выше сказано, новшеством стала идея коренной враждебности Запада и славянства. Причем Ламанский прослеживал истоки этой вражды в ту эпоху, когда славянство как этническая общность еще не сформировалось. «Можно полагать, – замечал он, – что она восходит по крайней мере ко II–III в., ко времени господства готы в нынешней южной России и довольно сурового владычества над различными славянскими ветвями. В гуннах искали и нашли себе славяне избавителей от готы» [23, с. 450]. Благодаря участию в завоеваниях гуннов, славяне заселили полабские и прибалтийские земли, нынешнюю Чехию, Моравию, Силезию. Можно сказать, что в той борьбе с готами и сформировалась окончательно славянская этническая общность.

Однако и народность приобретает у Ламанского свое неповторимое звучание, которое, тем не менее, в целом гармонировало с настроениями позднего славянофильства. В тексте второго письма оригинальная трактовка принципа народности более чем находит свое выражение. Демонстрируется особое по-

²⁰ См.: Куприянов В.А. Краковские встречи – 2017 // Философский полилог. 2017. № 1. С. 156 [22].

нимание народности на конкретно-историческом материале – истории Чехии, точнее истории Чехии в период Тридцатилетней войны. Для Ламанского в дискуссиях о принципе народности оказываются важными аспекты языка и наличия у каждого народа своего собственного правительства и аристократии, ориентированной на народ. Ссылаясь на Б. Бальбина, Ламанский указывает, что причинами исчезновения славянской народности у чехов было пренебрежение собственным языком и недостаток патриотизма аристократии. Славянофилы, как отмечает один из современных исследователей, «обосновывали положение о тождестве языка и самосознания народа. <...> Язык не нечто отвлеченное, а живое, неразрывно связанное с духом и мыслью народа, поэтому история языка воспринималась ими как история народа»²¹. Для «спасения» славянской народности, полагал Ламанский, чехам необходимо восстановление в правах национального языка и чешское, а не немецкое правление. Требование народности в богослужении – то есть употребления собственного языка – он находит и у гуситов. Таким образом, принцип народности для Ламанского означает не только возвращение аристократии и правительства к национальным традициям, – о чем ярко писал уже А.С. Хомяков, – но и вполне конкретное требование развития собственного языка. Народность представляет собой в таком случае культивацию собственного языка в науке, искусстве, религии и во всех других сферах духовной жизни общества. Позднее, уже в зрелый период творчества, Ламанский будет разрабатывать концепцию русского языка как общего языка политики и культуры всего греко-славянского мира. Таким образом, принцип народности будет интернационализирован, что даст возможность говорить об особом культурном пространстве греко-славянской цивилизации со своей собственной идентичностью. На примере второго «Исторического письма» можно увидеть, как изначально зарождалась у Ламанского связь проблематики народности и языка.

Второе «Историческое письмо» не датировано, но можно предположить, что оно было написано в период завершения работы или вскоре после магистерской диссертации Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859 г.), защищенной в январе 1860 г. В диссертации Ламанский одним из первых в отечественной науке предпринял попытку осветить историю (раннюю историю) славян со славянофильских позиций и представить единство и синхронность многих исторических процессов у славян. Следующая задача, которую ставил перед собой ученый, – это познакомить русскую публику с мнением европейцев (в первую голову, немцев) о славянах. Его докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871 г.) носила по преимуществу историографический характер с сильным уклоном в философию истории. Это же историографическое направление за-

²¹ См.: Безлепкина Н.И. От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. № 1. С. 143 [24].

метно и во втором «Историческом письме». Письмо публикуется по чистовому автографу, сохранившемуся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 14–31 об.). Можно предположить, что письмо было переписано набело переписчиком перед предполагавшейся отправкой, скорее всего, в аксаковскую газету «Парус». Запрет на публикацию газеты объясняет, почему «Исторические письма» Ламанского не были опубликованы.

Ниже предлагается публикация текста В.И. Ламанского «Письмо второе. Об умственном и литературном общении русских с их соплеменниками»²².

Список литературы

1. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 2(20). С. 89–111.
2. Ламанский В.И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). 1878/79 год. [СПб.:] Литография Гробовой, [1879]. 98+160 с.
3. Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // *Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии*. 2019. № 1. С. 53–66. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.4>
4. Ровда К.И. Россия и Чехия: взаимосвязи литератур. 1870–1890. Л.: Наука, 1978. 288 с.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФА АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76.
6. Ламанский В.И. Записка об избрании в члены Императорского Санкт-Петербургского университета чешского ученого Вацлава Владислава Томка // *Протоколы заседаний Императорского Санкт-Петербургского университета за 1898 г.* № 54. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1899. С. 38–44.
7. Ламанский В.И. Новейшие памятники древнечешского языка // *Журнал министерства народного просвещения*. 1879. Январь. С. 131–160; Февраль. С. 311–366; Март. С. 118–159; 1879. Апрель. С. 247–276; 1879. Август. С. 1–33; 1880. Июнь. С. 312–353.
8. Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // *Studia Slavica Hungarica*. 1975. № 21. С. 69–74.
9. Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их переводы // *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора*. М.: Ладомир, 2002. С. 11–242.
10. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФА АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 397.
11. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.
12. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФА АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.
13. Гервинус Г.Г. Введение в историю девятнадцатого века. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1864. 151 с.
14. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // *Славяно-германские культурные связи и отношения*. М.: Наука, 1969. С. 25–69.
15. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФА АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.
16. Ламанский В.И. Национальная бестактность // *День*. 1861. № 2, 21 октября. С. 14–19.
17. Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2019. № 5. С. 38–47.

²² Выражаем благодарность за помощь в подготовке к публикации текста В. И. Ламанского Константину Юрьевичу Лаппо-Данилевскому.

18. Ламанский В.И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 530–539.
19. Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А.А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914. С. 1339–1352.
20. Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева. М.: Наука, 2002. 475 с.
21. Хомяков А.С. Аристотель и всемирная выставка // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 677–694.
22. Куприянов В.А. Краковские встречи – 2017 // Философский полилог. 2017. № 1. С. 155–166.
23. Ламанский В.И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб., 1875. С. 413–584.
24. Безлепкин Н.И. От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. № 1. С. 140–156. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.112>

References

(Sources)

Individual Works

- Gervinus, G.G. *Vvedenie v istoriyu devyatnadsatogo veka* [Introduction to the history of the nineteenth century]. Saint-Petersburg: Tipografiya O.I. Baksta, 1864. 151 p.
- Khomyakov, A.S. *Aristotel' i vseмирnaya vystavka* [Aristotle and World Exposition], in Khomyakov, A.S. *Vsemirnaya zadacha Rossii*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 677–694.
- Koshelev, A.I. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva* [The Memoirs of Aleksandr Ivanovich Koshelev]. Moscow: Nauka, 2002. 475 p.
- Lamanskiy, V.I. *Zapiski o istorii slavyan Vengrii i Chekhii (kurs professora Lamanskogo dlya spetsialistov). 1878/79 god* [The notes about history of the Slavs in Hungary and Czech (the course of Professor Lamansky for specialists)]. Saint-Petersburg: Litografiya Grobovoy, 1879. 98+160 pp.

(Articles from Scientific Journals)

- Bezlepkin, N.I. *От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России* [From Slovology to Philosophy of Language: Evolution of Linguophilosophical Studies in Russia], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, 2020, no. 1, pp. 140–156. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.112>.
- Kupriyanov, V.A. *Krakovskie vstrechi – 2017* [Krakow meetings – 2017], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, 2017, no. 1, pp. 155–166. DOI: [10.31119/phlog.2017.1.14](https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.14).
- Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. «Ya sluzhu narodnosti...» (k publikatsii «Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo) [“I serve to nation...”: (to the publication of “Historical letters about the relations of the Russian nation to its tribesmen” by V.I. Lamansky)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*, 2016, no. 2(20), pp. 89–111. DOI: [10.21638/11701/spbu19.2016.207](https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2016.207).
- Lamanskiy, V.I. *Noveyshie pamyatniki drevnecheshskogo yazyka* [The latest monuments of the Old Czech language], in *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1879, January, pp. 131–160; February, pp. 311–366; March, pp. 118–159; 1879, April, pp. 247–276; 1879, August, pp. 1–33; 1880, June, pp. 312–353.
- Lamanskiy, V.I. (1887). *Zapadnyy, slavyanskiy vopros* [Western, Slavic question], in *Izvestiya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1887, no. 11 and 12, pp. 530–539.

10. Lamanskiy, V.I. Vidnye deyateli zapadno-slavyanskoy obrazovannosti v XV, XVI i XVII vekakh. Istoriko-literaturnye i kul'turnye ocherki [Prominent figures of Western Slavic education in the 15th, 16th and 17th centuries. Historical, literary and cultural essays], in *Slavyanskiy sbornik*. Saint-Petersburg, 1875, pp. 413–584.

11. Lamanskiy, V.I. Zapiska ob izbranii v chleny Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta cheshskogo uchenogo Vatslava Vladislava Tomka [The Report about the election Czech scholar Vatslav Vladislav Tomka a member of the Imperial Saint-Petersburg University], in *Protokoly zasedaniy Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1898 g.*, no. 54. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya B.M. Vol'fa, 1899, pp. 38–44.

12. Lamanskiy, V.I. Natsional'naya bestaktnost' [National tactlessness], in *Den'*, 1861, no. 2, October 21st, pp. 14–19.

13. Lapteva, L.P. Kraldevorskaya i Zelenogorskaya rukopisi i ikh otsenka v Rossii XIX i nachala XX vv. [The Dvůr Králové and Zelená Hora manuscripts and their estimation in Russia of the 19th and beginning of the 20th centuries], in *Studia Slavica Hungarica*, 1975, no. 21, pp. 69–74.

14. Lapteva, L.P. Kraldevorskaya i Zelenogorskaya rukopisi i ikh perevody [The Dvůr Králové and Zelená Hora manuscripts and their translations], in *Rukopisi, kotorykh ne bylo. Poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora*. Moscow: Ladomir, 2002, pp. 11–242.

15. Medovarov, M.V., Snezhnitskaya, S.I. Raskol sredi pozdnykh slavyanofilov i rol' V.I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.) [The Schism among the Late Slavophiles and the Role of V.I. Lamansky in it (1887–1897)], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 38–47.

16. Shakhmatov, A.A. Vladimir Ivanovich Lamanskiy. Nekrolog (Chitan v zasedanii Obshchego Sobraniya 29 noyabrya 1914 g. akademikom A.A. Shakhmatovym) [Vladimir Ivanovich Lamansky Obituary (Read at the meeting of the General Assembly on November 29, 1914 by Academician A.A. Shakhmatov)], in *Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk*, 1914, pp. 1339–1352.

17. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AARAN)], fond. 35, inventory. 1, storage unit 1.

18. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AARAN)], fond. 35, inventory. 1, storage unit 44.

19. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AARAN)], fond. 35, inventory. 1, storage unit 76.

20. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF AARAN)], fond. 35, inventory. 1, storage unit 397.

21. Shipovalova, L.V. Ideya sobornosti A.S. Khomyakova: transformatsiya smysla v raznykh kontekstakh [Khomyakov's Idea of Sobornost: Transformation of Meaning in Different Contexts], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, 2019, no. 1, pp. 53–66. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.4>

22. Volkov, V.K. K voprosu o proiskhozhdenii terminov «pangermanizm» i «panslavizm» [To the question of the origin of the terms «pangermanism» and «panslavism»], in *Slavyano-germanskije kul'turnye svyazi i otsheniya* [Slavic-German cultural ties and relations]. Moscow: Nauka, 1969, pp. 25–69.

(Monographs)

23. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. *Akademik V.I. Lamanskiy. Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials for biography and scientific activity]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 560 p.

24. Rovda, K.I. *Rossiya i Chekhiya: vzaimosvyazi literatur. 1870–1890* [Russia and Czech: the interrelations of literatures. 1870–1890]. Leningrad: Nauka, 1978. 288 p.

В.И. Ламанский

Письмо второе
Об умственном и литературном общении русских
с их соплеменниками¹

V.I. Lamansky

The Second Letter
On the Intellectual and Literary Communication of Russians
with their Fellow Tribesmen

Чехи, как я сказал, удивительно ясно сознавали тот вред, который нанесли себе сами немцы, поддаваясь фанатической вражде к славянам. В XV [в.] возникло в чехах не одно, как обыкновенно думают, движение религиозное, но вместе с тем и общественное². Как то, так и другое было вполне народное и выходило из старины, хотя принадлежало будущему. Оба они могли, в случае успеха, преобразовать и обновить Европу. Народный язык в богослужении и православный обряд *чаши*³ (калих) бывший для чехов символом безразличия перед Богом мирян и клира, – знакомые мораванам и чехам по старой проповеди славянских апостолов и их учеников и старый славянский обычай, вытекавший из общинного духа и быта, начало равенства сословий перед законом и полное отвращение к немецким феодальным порядкам – вот начала, которые взялись защищать наши чешские братья перед целою Европою, по смерти ве-

¹ Публикация и примечания подготовлены В.А. Куприяновым, А.В. Малиновым и Л. Налдониовой в рамках проекта РФФИ (грант № 20-011-00071).

² Ламанский имеет в виду *гуситское движение*, которое он справедливо рассматривает не только как религиозное направление, но и как общественно-политическое. Ламанский, как видно из данного и из других текстов, придавал большое значение гуситскому движению как попытке славян утвердить свою собственную идентичность относительно романо-германского мира и как примеру постоянной борьбы славян и германцев. История Чехии именно периода гуситских войн неоднократно становилась предметом, который Ламанский преподавал на историко-филологическом факультете университета в 1880–1890 гг.: курсы «История Чехии и Польши в XV и XVI вв.», «Обзор источников истории Гуситской эпохи», «Чтение отрывков старочешской литературы», практические занятия «Разбор некоторых сочинений Гуса и П. Хельчинского». Тем не менее в период написания данного текста основным источником Ламанского по истории Чехии являлся фундаментальный труд Ф. Палацкого (1798–1876) «История народа чешского в Чехии и Моравии». Далее Ламанский цитирует соответственно третий и четвертый тома чешского издания этого произведения.

³ Видимо, Ламанский имеет в виду не столько *чашиников* – умеренное направление в гуситском движении, – сколько общее для гуситов требование ввести единый для всех (и для клира, и для мирян) обряд причащения, т.е. хлебом и вином. Кроме этого, важнейшим требованием гуситов было ведение богослужения на национальном (чешском) языке, что было для Ламанского показателем превосходства греко-славянского мира, к которому в его исторической концепции принадлежат чехи.

ликих славянских мучеников, Гуса и Иеронима⁴. В самом разгаре народных страстей, чехи уберегли себя от безумной и сильной вражды к немцам: так, одно чешское стихотворение XV в., советуя не щадить немцев, как всегдашних чешских врагов, угнетателей и предателей, –

Су чешти вждыцкы ганце
тупителе, врази, зрадце,

предписывает, однако братски любить тех немцев, что тверды в законе Божиим:

Лечь су ктери заховали
а в закони Божском стали:
ты милуйте, якжто брате⁵.

⁴ В данном предложении Ламанский упоминает деятельность свв. Кирилла и Мефодия, каковой он придавал огромное значение на протяжении всей своей научной биографии. Ламанский полагал, что солунские братья создали в IX в. особый искусственный общеславянский язык, что выражало, по мнению ученого, постоянно присутствующую в истории славянских народов потребность в единстве. Ламанский считал, что основанием старославянского языка, созданного свв. Кириллом и Мефодием, был не какой-то отдельный славянский диалект; анаоборот, этот язык представлял собой синтез многих существующих на тот момент диалектов (не только солунско-болгарских), и именно в этом Ламанский видел искусственность старославянского языка. По мнению ученого, из современных ему языков единственным законным наследником старославянского языка является исключительно русский язык, распространение которого среди славян в качестве единого литературного и дипломатического языка послужит основанием культурного объединения славян и преобразования их в единую нацию (по этой проблеме см. об этом: Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении. СПб., 1865; Ламанский В.И. Непорешенный вопрос. Ст. 1. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И.И. Срезневскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122–163; Ламанский В.И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб., 1875; Ламанский В.И. Кирилло-Мефодиевская идея // Газета «Новое время». 1885. 13 апреля. С. 2). Также в комментируемом предложении обращает на себя внимание, что Ламанский связывает «обряд чаши» – одну из важнейших составляющих идеологии гуситского движения, в основе которой лежит мысль о равенстве перед Богом и, соответственно, идея социальной справедливости, – с *общинным духом и бытом* славян (в данном случае чехов). Этот тезис является важнейшей мыслью, показывающей *славянофильскую* основу исторического мышления самого Ламанского, поскольку именно подчеркивание *общинности* как исходной отличительной особенности русской (славянской) жизни было краеугольным камнем социально-философских и политических воззрений славянофилов – идея, продолжателем которой в своих *научных* концепциях оказался Ламанский. Вслед за славянофилами, Ламанский считал общинность одной из ключевых черт, отличающих греко-славянский мир от романо-германского. Ниже Ламанский прямо указывает, что славянский общинный дух, гонимый германцами, лежит в основе деятельности Яна Гуса, Жижки и таборитов (см. об этом подробнее: Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871; Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892).

⁵ *neb sú čeští vždycky hánce,
tupitelé, vrazi, zrádce,
leč jsú kteří zachovali
a v zákoně božském stáli,
ty milujte jakožto bratřie!*

Должно помнить, что чехи-гуситы страшно карали своих земляков-католиков. Немцам, что жили в Праге и приняли учение Гусово, отведена была пражская общинойю в 1420 г. церковь Св. Духа, где они спокойно совершали богослужение на немецком языке. Старо-славянский общинный дух, со времен Оттокаровых⁶ затертый и задавленный, снова стал воскресать в чехах, найдя себе великих поборников в священнике Яне, в Жижке и в таборитах. «Шляхта чешская, – говорит Палацкий, – всё больше исчезала с поля деятельности или мешалась с народом; управление дел государственных постепенно все переходило в руки людей новых, которых нельзя считать ни шляхтичами, ни плебеями, хотя они походили и на тех, и на других. В победоносном войске чешском каждый богатый и бедный назывался братом, начальство давалось тому, кто отличался способностями и храбростью; у неприятелей же происхождение указывало воинам на их места. Эти обстоятельства все больше и больше привлекали на себя внимание; Европа феодальная, не меньше римско-католической, стала страшиться влияния чешского. Уже в двух краях Франции, простой народ, следуя примеру чехов, стал подниматься против аристократии; в пример сочувствия, пробудившегося во Франции к гуситам, можно также указать на одно свидетельство французского духовенства (что съезжалось на собор в гор. Бурже), из которого видно, что в Дофине собираемы были денежные пожертвования на помощь гуситам чешским. Нечего удивляться, – замечает Палацкий, – что между защитниками феодальных прав на родине и на чужбине должно было образоваться общение и единство»⁷. В половине ноября 1431 г. послали чехи народу немецкому свой манифест, на немецком языке. Тут обращались они ко всем немцам, богатым и бедным, прося их рассмотреть причину вражды между обоими народами,

Дословный пер.: «... они (немцы) всегда нарушители, убийцы, предатели чехов, но некоторые из них не поддались и пребывают в божественном законе, любите их как братьев!». Источником текста является «Упрек Короне чешской» (Pórok Koruny české) из «Гуситской поэзии» «Баутценовского манускрипта».

⁶ Оттокар II (1253–1278) – чешский король из династии Пржемысловичей. Поддерживал расселение немцев на территории Чешского королевства. Ламанский полагал, что политика Оттокара способствовала онемечиванию чешских земель.

⁷ *Примечание В.И. Ламанского*: Palacky Dějiny nár. českého. D. III. Č. 2. str. 163. Он указывает здесь на «Advisamenta prolocuta per dominos praelatos et alios clerum regni Franciae et Delphinatus repraesentantes, qui Bituris convenerunt ad mandatum D. Regis» etc. ap. Mansi XXIX. 402». «In Delphinatu est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhaerens praedictis Bohemorum, jam tributum imposuit, levavit et misit eisdem Bohemis.» Ac. Cf. Raynaldi ad ann. 1432. § 6. Segovia. (M.S.).

Примечание публикаторов: Ламанский точно цитирует Т. III, Ч. 2 «Истории народа чешского в Чехии и Моравии» Ф. Палацкого. В цитате речь идет о церковном соборе в г. Бурже в 1432 г., на котором французское духовенство признало влияние гуситского движения по всей Европе. Источником второй цитаты, приводимой Палацким, является испанский теолог Хуан де Сеговия (1395–1458), отрывки из произведения которого Ламанский переписывает у Палацкого в своем примечании. Перевод латинских фраз: «Господами прелатами и другим клиром была высказана поддержка королю Франции, и пришли в Бурж представители Дофине по приказу короля»; «В Дофине есть некая область, окруженная горами, которая обманом притягивается уговорами богемцев, она уже наложила налог, собрала его и отправила в ту же Богемию».

в следствие которой уже погибло столько добрых людей с обеих сторон. «Удивляемся, что вы столько верите папе и его духовенству, которое дает вам ядовитые отпуска за то, чтобы вы нас истребляли; эти отпуска – чистый обман и подлог; погибнет тот телом и душою, кто им поверит; много люди грешат, доверяя таким отпускам. Христос прощает не один грех, а все; как же папа может отпускать одни грехи или часть их, а других нет? Кто без вреда может искупить от смерти своего ближнего, и того не сделает, тот убивает брата своего; если уже папа может освобождать людей от грехов и погибели, то никто и не погибнет, и ад будет пуст; а если, имея возможность освобождать их, он не освобождает, то сам убивает столько, сколько их гибнет. Духовенство ваше словно дьявол, что искушал Христа, сулил ему весь мир, над которым не имел никакой власти; так и оно сулит вам то, чем само не владеет. Оно вас возбуждает против нас, боясь, чтобы мы не открыли вам его беспутства. Христос благоволил слушать и самого дьявола, оно же не дает вам нас выслушать, хотя оно не лучше же Христа, а мы не хуже дьявола. В нынешнем году мы были у короля польского в Кракове и у короля угорского в Хбе, просили аудиенции, – все напрасно; оно хотело нас известить, но Бог того не допустил. Потому то вы, князья, дворяне, имперские города и общины, устройте так, чтобы нам сойтись на общем сейме и мирно изложить друг другу нашу веру; если же ратовать, то будем ратовать только речами и доводами, а не кровопролитною войною. Не верьте попам своим, что говорят, *будто бы мирянам не следует участвовать в прениях о вере; то говорят они из боязни быть побежденными*. Таково значение истинной веры: чем сильнее на нее нападают, тем она выше растет и больше усиливается...» и проч. Палацкий догадывается (D. III. Č. 2. 175–176)⁸, что этот манифест принадлежит перу Прокопа Великого, бывшего священником у гуситов. Заметим также, что в то время чехи

⁸ Ламанский цитирует гуситский манифест по Т. III, Ч. 2. «Истории чехов...» Палацкого (издание 1851 г.). Курсив в тексте принадлежит самому Ламанскому. Говоря о Прокопе Великом в связи с этим манифестом, Палацкий делает следующий вывод: «Главным создателем и автором этого манифеста, несомненно, является священник Прокоп Великий» (*Palacky F. Dějiny národu českého*. D. III., kniha 13, Č. 1. Praha: J.G. Calve, 1851. Str. 176). Следует заметить, что гуситы распространяли достаточно много манифестов, адресованных разным слоям общества того времени. Главным предметом критики в такого рода манифестах была *католическая церковь*, что хорошо видно из цитируемого Ламанским фрагмента. Однако обращает на себя внимание, что в данном контексте столь очевидная антиклерикальная тенденция манифеста отходит для Ламанского на второй план, в то время как основная идея, для подтверждения которой Ламанский использует этот сюжет, заключается в исконной вражде германцев и славян; религия же в данном случае оказывается второстепенной и играет роль инструмента в борьбе одного *этнографического* элемента против другого. Такая смена акцентов весьма характерна для Ламанского, который считал, что язык, психология народов и формы социального быта являются более фундаментальными факторами истории, нежели религия. Именно поэтому гуситские войны превращаются под пером Ламанского из антиклерикального протеста в главным образом эпизод борьбы славян против германской экспансии. Тем самым взгляды Ламанского в этом отношении существенно отличаются от философии истории раннего славянофильства, для которого именно религия являлась определяющим фактором исторического процесса (см., например, «Семирамиду» А.С. Хомякова).

имели лучшее, первое войско в Европе, и оставались всегда победителями. Одно имя чеха и гусита производило страх и ужас в Европе. При одном приближении гуситов бежали многочисленные войска феодальные, как, например, при Устьи и Домажлицах⁹. Констанцкий собор, сжегший Гуса и Иеронима, вменял последнему в большую вину то, что он в Витебске и Пскове «открыто перешёл от католиков к православным, присутствовал при восточном богослужении, кланялся русским мощам и иконам, принимал таинства по обряду греко-восточному, старался и самого Витовта обратить к православию» (Ст. г. Новикова Гус и Лютер. Рус. Бес. 1858 г. I. 4)¹⁰. Справедливо также заметил г. Новиков, что «Иероним исповедал совершенное равенство с Гусом в догматических мнениях, и что Гус развивал в теории, то Иероним приводил в дело»; что «в лице двух подвижников, собор казнил православные воспоминания чехов». Вспомним также, что чехи, прежде чем бы отправить большое посольство на собор Базельский, послали на него Николая Гумполецкого и Яна Жатецкого. 10 октября 1432 года, явившись на собор, они объявили, что чешский народ желает, между прочим, чтобы и восточная греческая церковь была скорее приглашена на собор (Palacky. D. III. Str. 205)¹¹. И впоследствии чехи не переставали помышлять о связях и общении с

⁹ Имеются в виду *битва при Усти-над-Лабем* (или *битва при Ауссиге*), где в июне 1426 г. гуситы под командованием Прокопа Великого нанесли поражение германским крестоносцам, а также *битва при Домажлице* (или *битва при Таусе*), где в августе 1431 г. гуситы также под командованием Прокопа Великого одержали победу над крестоносцами. Следует отметить, что относительно битвы при Усти утверждение Ламанского, что при «одном приближении гуситов бежали многочисленные войска феодальные», вряд ли можно считать верным, поскольку эта битва известна в качестве одной из самых кровопролитных в истории гуситских войн: германский гарнизон, который находился в Ауссиге, при приближении гуситов отнюдь не убежал, а наоборот, к германцам прибыло подкрепление, после чего крестоносцы не только не убежали, а атаковали гуситов, в итоге проиграв им битву.

¹⁰ Ламанский ссылается на труд *Евгения Петровича Новикова* (1826–1903), русского дипломата, писателя и историка славянофильской направленности. Труд Новикова «Гус и Лютер» был опубликован в 1857–1858 гг. в славянофильском журнале «Русская беседа», в котором также и Ламанский в 1858 г. и 1860 г. публиковал свои работы. Действительно, Новиков трактует известные события Констанцкого собора (казнь Я. Гуса в 1415 г. и казнь И. Пражского в 1416 г.) как пример подавления Западом греко-восточной идентичности чехов, о чем ниже пишет Ламанский. В этом отношении взгляды Новикова и Ламанского оказываются идентичными. Точная ссылка на цитируемый Ламанским текст: *Новиков Е.П.* Гус и Лютер. Гл. III: Констанцкий Собор. – Путешествие Гуса. – Три темницы и три аудиенции Гуса. – Последние минуты Гуса // *Русская беседа*. 1858. Кн. I (IX). С. 3–4.

¹¹ *Примечание Ламанского*: Желание это изъявлено было чехами и раньше, еще в 1429 г. «Husitae voluerunt, ut celebrando concilio interesse debeant patriarcha Constantinopolitanus, Graeci et Armeni.» (Andr. Ratisbor. in dialogo. MS. Palacky. D. III. Str. 94).

Примечание публикатора: Точная ссылка на работу Ф. Палацкого, из которой Ламанский заимствует сведения о событиях Базельского собора: *Palacky F.* Dějiny národu českého. D. III. Č. 2. Str. 205–206. Перевод латинской фразы «Гуситы хотели, чтобы многочисленным собранием должны были присутствовать патриарх Православной церкви, Греки и Армяне». *Ян Жатецкий (1350–1414)* – наст. им. Иоганн фон Тепль, теолог немецкого происхождения, сторонник таборитов, автор диалога «Богемский пахарь». Согласно указанию Палацкого, *Николай Гумполецкий* – писец

народами православными; так в 1452 г. сносились они с Цареградским патриархом Геннадием, одобрявшим их веру (Palacky. D. IV. Č. 1. Str. 258–261), или в XVI в., когда один из чешских братьев выступал в прениях с Московским царем Иваном Васильевичем Грозным¹²; или когда в 1599 г. на соборе в Вильне¹³ чешские братья желали соединиться с православными, против римских католиков, или в нынешнем столетии, когда один из главнейших подвижников современного возрождения чехов и, можно сказать, всего западного славянства, аббат Добровский¹⁴, под конец дней своих, любил мечтать о восстановлении в Чехии славянского богослужения; когда в июне 1848 г. на время снова в Праге –

Молитва славянская снова звучала
В напевах, знакомых минувшим векам¹⁵.

Старого города Праги. (см.: «Mikuláš Humpolecký, písař Starého Města pražského» (Palacky F. Dějiny národu českého III., kniha 13, čl. 1. Odeon, Praha, 1968. Str. 493).

¹² Очевидно, имеется в виду спор Ивана Грозного с Яном Рокитой, который имел место в 1570 г.

¹³ Имеется в виду Собор в Вильно в 1599 г. (т.е. после Брестской унии 1596 г.) протестантов и православных, направленный против униатов и католиков. Обращает на себя внимание, что Ламанский также склонен подчеркивать не догматическое значение Собора, а факт проявления племенной тяги славянских народов друг к другу.

¹⁴ Добровский Йосеф (1753–1829) – чешский филолог, лингвист, историк, фольклорист. Ламанский называл Добровского «патриархом славяноведения».

¹⁵ Ламанский цитирует стихотворение «Беззвёздная полночь дышала прохладой...» Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) – одного из родоначальников славянофильства. Интересно, что указанное стихотворение было написано в 1847 г., то есть до событий 1848 г., когда в ходе сотрясавших Европу революционных событий произошел известный I славянский съезд в Праге – событие, которое Ламанский имеет в виду в этом контексте.